

В прошлом номере журнала мы рассказали об Анатолии Смирнове – «касимовском Андерсене». Материал вызвал большой интерес среди читателей, в том числе и к фигуре самого детского писателя. Мы решили продолжить эту тему и приоткрыть завесу тайны о неоднозначном отношении известного сказочника к маленьким детям.

Дети напрокат

Памятников при жизни обычно не ставят. Даже известным, великим и прославленным людям (тираны и вожди не в счёт). Но для Андерсена датчане решили сделать исключение и установить к 70-летию юбилею Ганса Христиана памятник писателю, прославившему их страну. Андерсен, правда, до сего знаменательного события не дожил, зато успел поучаствовать в обсуждении многочисленных проектов.

Писатель бескомпромиссно отверг варианты, эксплуатировавшие, казалось бы, благодарную тему: детский сказочник в окружении восторженной детворы, сидящей у него на коленях и/или на закорках. Дело в том, что Андерсен никогда не позволял детям садиться к себе на колени и тем более обращаться с ним как-то фамильярно. Ведь он считал себя серьёзным взрослым писателем, просто некоторые его произведения нравились ещё и детям. В итоге открытый в 1880-м, к 75-летию юбилею великого датчанина, Андерсен-памятник в одной руке сжимает свою книгу, а другой обращается к посетителям Королевского сада Копенгагена.

Нет, живой Андерсен не избегал специально детской аудитории, хотя, впрочем, никогда и не стремился завоевать именно её авторитет. Маленьких детей он немного побаивался, не знал, как себя с ними вести. Генрих Гейне даже как-то разыграл Андерсена, когда тот после долгого перерыва (когда Гейне был ещё холостым) вновь навестил дом немецкого романтика в Париже и был поражён высыпавшими перед ним детьми. «Не пугайтесь, это не наши с Матильдой дети, – тут же нашёлся Гейне. – Мы взяли их с женой напрокат». Поверить в такое мог, наверное, лишь Андерсен, сам большой ребёнок.

Ребёнок навсегда

Показателен и другой случай из жизни писателя. Когда поклонники прислали ему в подарок коробку шоколадных конфет, Андерсен, боявшийся, что таким образом мифические завистники хотят отравить его, не придумал ничего лучшего, как передарить их соседским мальчишкам. А когда увидел, что с ними всё в порядке, затребовал свой подарок назад. В этом был весь Андерсен: взрослый, на всю жизнь оставшийся ребёнком.

С детьми же Андерсен вёл себя как с несмышлёными взрослыми, выступая в роли учителя-ментора, с удовольствием отвечал на их многочисленные вопросы, мог восторгаться их непосредственностью и милыми словечками, но не играл и не сюсюкал с ними. Писатель был великолепным рассказчиком, а чтение вслух собственных произведений становилось всякий раз блестящей авторской импровизацией. Сохранились воспоминания Владимира Николаевича Майкова, издателя в России детских журналов «Подснежник» и «Семейные вечера», о том, как Андерсен читал юным датчанам свою сказку «Стойкий оловянный солдатик»: «Всё смолкло, слышно было, как шумят крылышками стрекозы в воздухе, детвора вся обратилась в слух».

Адресаты сказок

Андерсен сочинял сказки и для конкретных детей. Так, первой самостоятельно придуманной им сказкой (а не литературно обработанными народными преданиями) стала история «Цветы маленькой Иды», рассказанная для дочери его друга – писателя и фольклориста Юста Маттиаса Тиле. Сюжет пришёл к Андерсену моментально во время прогулки с маленькой Идой в Ботани-

Большинство из написанных Андерсеном сказок назвать детскими сейчас можно лишь с очень большой натяжкой

ПРИЧУДЫ ГЕНИЕВ

ческом саду, когда он беседовал с ней о цветах. В один миг сочинил Андерсен и сказку «Прыгуны» для детей его давнего друга Эдварда Коллина (сына его главного многолетнего покровителя, статского советника Йонаса Коллина), когда они спросили писателя, кто выше прыгает: блоха или кузнечик.

Расчувствовавшись во время своего путешествия по Германии от подарка Эрика, маленького сына немецкого поэта Юлиуса Мозена, вручившего писателю игрушечного оловянного солдатика, чтобы господин Андерсен «не чувствовал себя таким одиноким», писатель моментально придумал сказку «Старый дом».

Сказку «Спроси с Аметера фру!» (впервые опубликованную на русском лишь в 2016 году) Андерсен сочинил за обедом у своих друзей, супругов Эрикес, для их малолетней дочери Марии, отказывавшейся есть суп из-за жёсткой, по её мнению, моркови.

Впрочем, Андерсен рассказывал свои сказки-истории не только детям своих друзей и знакомых. Венценосные особы тоже порой приглашали знаменитого писателя рассказывать своим наследникам его удивительные истории. Одним из них был маленький мальчик Людвиг. Когда он вырос и стал баварским королём Людвигом II (1864–1886), то попытался воплотить в своей небольшой стране придуманный «королём сказки» мир наяву. Вот только финал этой истории лично для «сказочного короля», как прозвали Людвига II его подданные, был грустным и трагичным одновременно. Кстати, это очень по-андерсеновски.

Большинство из написанных Андерсеном сказок назвать детскими сейчас можно лишь с очень большой натяжкой, хотя дети действительно занимают в них одно из центральных мест. В этих сказках и в помине нет никакого хэппи-энда, сюжет откровенно мрачен, жесток и трагичен; главный герой или героиня, в роли которых нередко выступают дети, погибают или умирают, причём весьма мучительно, добро отнюдь не побеждает зло, а высшую справедливость можно отыскать разве что в Вечности (чего стоят его произ-

тельно-трогательные «Девочка со спичками» и «На могиле ребёнка» или назидательно-правдоучительные «Девочка, наступившая на хлеб» и «История одной матери»).

Но тут надо понимать, что Андерсен был сыном своего века, а его время отнюдь не располагало к сантиментам: войны и казни, эпидемии и высокая детская смертность были заурядным явлением. Писатель, по сути, лишь воспроизводил окружающий его мир, облекая его в сказочную форму.

Несказочный финал

И лишь под конец жизни Андерсен с удивлением для себя осознал, что именно сказки прославили его и сделали всемирно знаменитым, что сказки — «блестящее, лучшее в мире золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазах, звенит смехом из детских уст и из уст их родителей». Но тогда же он с горечью констатировал, что «заплатил за свои сказки непомерную цену. Отказался ради них от личного счастья и пропустил то время, когда воображение должно было уступить место действительности».

Фраза «сказочник Андерсен» стала уже аксиомой. Это было очевидно и многочисленным почитателям его творчества ещё при жизни писателя. То есть буквально всем, кроме... самого Андерсена. Он считал себя кем угодно: актёром, драматургом, поэтом, писателем, но только не сказочником, и уж тем более не детским.

И для этого у него, казалось, были веские основания. Литературное наследие Ганса Христиана Андерсена невероятно обширно и удивительно разнопланово. Помимо свыше 200 сочинённых им сказок за свою жизнь он написал 12 сборников стихов, 6 томов романтической прозы и столько же полновесных романов, порядка 50 пьес, 5 больших путевых очерков, 12 томов дневников и пространные мемуары «Сказка моей жизни» аж в 3 вариантах!

Послание с того света

Впрочем, в биографии Андерсена (особенно это касается периода начальной жизни и творче-

Сказки Андерсена – философские притчи, содержащие тонкую сатиру на современную ему действительность и персонажей

ПРИЧУДЫ ГЕНИЕВ

ства писателя, многие детали которой известны порой исключительно с его собственных слов) до сих пор есть ещё ряд «белых пятен». Мировой сенсацией стала случайная находка в октябре 2012 года ранней, неизвестной дотоле сказки Андерсена «Сальная свеча».

Хотя свой первый опубликованный в 1835 году сборник сказок Андерсен, амбициозно мечтавший создать цикл датских народных сказок, и озаглавил «Сказки, рассказанные детям», название было своего рода рекламным пиар-ходом, рассчитанным на привлечение внимания distinguished публики. Истории из этого сборника предназначались как взрослым, так и детям.

И действительно, его лучшие сказки с одинаковым интересом читаются и теми и другими. И если дети будут заинтересованы больше внешней фабулой сюжета, то взрослые смогут по достоинству оценить тонкий, едва уловимый юмор сказочника, местами переходящий в горькую иронию. Чего стоит, например, описание жизни солдата из сказки «Огниво», когда у того закончились деньги: «...никто из друзей уж не навещал его – уж больно высоко было подниматься к нему» или подсмотренная колдунами через увеличительное стекло жизнь ликовинных зверюшек из сказки «Капля воды».

И всё же большинство адресатов сказок Андерсена – это именно взрослые, а не дети. Сказки Андерсена – философские притчи, содержащие тонкую сатиру на современную ему действительность и персонажей, выведенных им в образе одушевлённых животных и/или предметов. Ну и, конечно, завуалированное описание собственного жизненного пути, наи-

Художник Элизабет Джерихау-Бауманн. Ханс Христиан Андерсен читает сказку «Ангел» для моей дочери Луизы, которая больна, и других детей. 1862. По воспоминаниям самой художницы, Андерсен очень страдал, позируя для этой картины.

более ярко и ёмко воплотившееся в его «Гадком утёнке».

Невероятно, но факт: большинство сказок Андерсена, составивших ныне золотой фонд детской и мировой литературы, у него на родине поначалу были довольно холодно встречены критикой, находившей в каждой из них многочисленные изъяны. Андерсен продолжал сочинять сказки, хотя и был твёрдо уверен, что они не его конёк. Просто множеству ронившихся в его голове мыслей и идей был нужен выход: сочинил истории он невероятно быстро, буквально на ходу; не случайно его главный роман называется «Импровизатор».

Лучшие сказки Андерсена любили, любят и будут любить и дети, и взрослые. Первые – за то, что он дарит им чувство радости и сопричастности к чуду, а вторые – за возможность хотя бы на миг вновь вернуться в своё детство и ощутить позабытое под грузом времени и забот беззаботное счастье и ликование просто от самого факта собственного бытия. ■